

И. Т. МАТВИЕНКО

Урбс

ГЕРОИ НАШИХ ДНЕЙ

А.Мозгунов

ЛИЦОМ К ОГНЮ

ОРЕНБУРГСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1962

Широки зауральные степи. Сейчас здесь появилось много новых совхозов, поселков покорителей целины, высятся буровые вышки, дымят трубы заводов.

Не то было в 1930 году, когда семнадцатилетний Иван Матвиенко решил начать самостоятельную жизнь. Тогда строительство только еще начиналось. Тишину степи ничто не нарушало. И когда на этой нетронутой земле появился первый совхоз, Иван Матвиенко сразу же пошел туда работать. Совхоз был овцеводческий. Новоселы поднимали целину, строили кошары. Иногда в совхозе читались лекции, демонстрировались кинофильмы. Газеты звали людей на леса новостроек, на строительство первенцев социалистической индустрии.

Хотя труд в совхозе привлекал юношу своим напряжением, все-таки машин тогда в совхозе было немного, и полного удовлетворения своей работой Иван не испытывал. И когда в зауральную степь приехали из Ленинграда разведчики недр и создали геологическую базу, Иван сразу перешел туда. Вначале работал молотобойцем. Нравилось, что многому можно было научиться у опытного кузнеца Прокопия Позднякова. Маленькая кузница геологической базы росла, стала хорошей мастерской по ремонту оборудования. Работал Иван не только в этой мастерской, нередко приходилось ему вместе с поисковыми партиями уходить в степь и там налаживать буровое оборудование. У кузнечного горна, на стоянках в степи полюбились молодому кузнецу машины — он учился раскрывать их тайны, все больше любил их, верных помощников советских людей.

Наступил день, когда, завершив свои поиски, разведчики покинули зауральные степи. А Матвиенко стал трудиться в одном из колхозов Соль-Илецкого района. В «Красном партизане» Матвиенко сеял и убирал хлеб, ремонтировал прицепной сельскохозяйственный инвентарь. Но часто, склонясь над лемехами плугов, Иван вспоминал о буровых станках, в уме проносились известия о пуске

Магнитки, о рождении Кузнецкого комбината... Его неудержимо тянуло к заводу, к машинам.

И однажды внимание Матвиенко привлекло объявление в областной газете: на строительство комбината «Ормедзолото», на разъезд Медный приглашались рабочие. Уже от самих названий разъезда и комбината (медь, золото!) веяло романтикой нового, интересного, неизведанного. И Матвиенко поехал.

Потом разъезд Медный вырос в город Медногорск, и с ним навсегда связал свою судьбу, жизнь Иван Матвиенко.

Шел первый год третьей пятилетки. Матвиенко — монтажник, он строит завод. Правда, это небольшой завод, опытный, как его называют. В нем будет лишь несколько уменьшенных агрегатов будущего завода. Но и этот корпус казался Ивану огромным. Иван знал — именно здесь должны быть испытаны свойства руды недавно открытого блявинского месторождения. Матвиенко видел рядом с собой таких же, как он, молодых, и также средних лет крестьян. И вот этих людей, пришедших из деревень, теперь руководители завода, инженеры и другие специалисты должны были научить варить медь, получать серу.

Каждый день узнавал здесь Иван Матвиенко много нового. Инженеры, бывалые металлурги, рабочие, приехавшие с уральских заводов, говорили о плавильных печах, об искусстве плавки руды, о горне, шпурах, штейне, шлаке. Перед молодым рабочим открывался новый мир. Он узнал о том, что медно-серное производство освоено только в Норвегии, а Медногорский завод будет вторым заводом в мире, одновременно вырабатывающим медь и серу. Слышал Матвиенко, что норвежская фирма, у которой были приобретены чертежи и оборудование, предложила оказать помощь советским инженерам в пуске печей и освоении процесса. И просила за это полмиллиона шведских крон.

Молодые инженеры Кужель, Белкин, Якубович руководили монтажом опытного завода. Они побывали в Норвегии, изучали там технологию выплавки меди и получения серы. Инженеры рассказывали, что их вызывал в Москву нарком тяжелой промышленности товарищ Орджоникидзе — инициатор использования блявинского месторождения.

— Будет ли сера? Когда пустите? — спрашивал нарком инженеров.

Он поставил перед ними задачу пустить завод без по-

мощи иностранных специалистов, вселил в молодых инженеров уверенность, что они сами способны решать сложные технические задачи...

И вот возводится опытная печь, и Матвиенко участвует в ее монтаже. А рядом гремит большая стройка, растут корпуса комбината.

Как и весь коллектив, Иван работал с огоньком: очень хотелось узнать, какой же будет печь, когда ее закончат. Хотелось скорее услышать, как она загудит, как полется огненная масса, а в огромном газоходе невидимо поплывет газ. Он потечет в аппаратуру химического цеха. Иван заглядывал в чертежи, развешанные на стенах конторки прораба, но видел в них не совсем понятные линии, круги, квадраты.

И Матвиенко понял: для того чтобы быстрее шагать по дороге, на которую он вступил, нужно много знать, многому научиться.

И когда при опытном заводе открылись курсы по подготовке металлургов, химиков, крановщиков, электриков, Матвиенко одним из первых записался в группу горновых. Пролетели месяцы учебы, наступил долгожданный день пуска опытного завода.

Первые задувки прошли неудачно. Новая печь была закрытого типа. А опытные мастера, приехавшие в Медногорск с Урала и Баймака, зажгли печь «по-уральски» — и она погасла. Пускали еще десяток раз, — и безрезультатно. Масса получалась холодной, она застывала в печи. Эту застывшую массу разбивали кувалдами, обвязывали крупные куски канатом и тянули под «дубинушку».

И все же победа была завоевана: в конце 1938 года на опытном заводе была получена первая в нашей стране газовая сера и полупродукт меди — штейн.

Работа была нелегкой. Но Матвиенко и его товарищи гордились, что стали металлургами. Им нравилось, что люди к этой профессии относятся с уважением, что труд «мастера огненного дела» овеян романтикой... Часто прямо после смены, не переодеваясь, молодые горновые в широкополых шляпах и шерстяных куртках прогуливались по поселку. Бывало, идут они в таком невиданном в этих местах одеянии, чумазые, на куртках и штанах чернеют выгоревшие дыры. Смеются, зубоскалят. Встречные охают, с удивлением спрашивают:

— Где это вас так, милые?

А новоиспеченные металлурги с гордостью, важно отвечают:

— У горна были, со смены идем!

С теплым чувством благодарности вспоминает Матвиенко своего первого учителя Ф. Р. Чекопасова. Федор Родионович с малых лет у печей: тринадцатилетним мальцом определили его на концессионный завод англичанина Уркварта. Надрываясь, толкал мальчик вагонетки со шлаком.

— Когда в первый раз увидел я и товарищи, как пробили шпуровое отверстие и посыпались огненные брызги, мы, испуганные, разбежались, — с улыбкой вспоминает Иван Тихонович Матвиенко. — Федор Родионович собрал нас, долго объяснял, как нужно работать шуровкой. А потом удивительно ловко пробил шпур, и масса пошла ровно. «Все надо делать смело, — говорил Чекопасов, — тогда все будет получаться правильно...»

«Делать смело», — эти слова навсегда врезались в сознание молодого горнового. Он ковал свое мастерство на опытном заводе и с нетерпением ждал пуска большого завода. В свободное время забегал туда, где днем и ночью шел монтаж больших печей, помогал монтажникам. Его старательность и любовь к работе были видны всем. И когда в феврале 1939 года задымила стометровая труба комбината, Матвиенко был назначен старшим горновым. В его подчинении — четыре человека.

— В те времена одну печь обслуживало пять человек, — вспоминает Иван Тихонович, — и всем дела хватало. А сейчас один горновой справляется...

Большой завод пошел сразу: сказала стажировка на опытном. Но неполадки вначале были, частенько печи «козлили».

«Поверят ли сейчас молодые металлурги, — думает Иван Тихонович, вспоминая те годы, — какие трудности преодолевались тогда. Все делалось руками, мускулами. Особенно тяжело приходилось загрузчикам. Сейчас нажимай рукоятки, поворачивай рычаги, а самая трудная физическая работа нынче заключается в подметании площадки... И все-таки, как ни тяжело было, дело нравилось, от работы оторваться не могли».

Матвиенко принадлежит к числу тех людей, которые работают с любовью, от всего сердца.

Бывало, придет начальник новой смены и видит, что Матвиенко еще и не думает кончать работу.

— Ты чего тут еще? Своей смены мало? — спрашивает начальник и говорит: — Иди отдыхай.

— Нет, не могу, — слышит он в ответ. — Вот сделаю все, тогда и уйду — спокойнее будет отдых. Вы меня не гоните, я у вас сверхурочных не прошу...

Матвиенко был рядовым рождавшимся на комбинате нового отряда героического рабочего класса СССР. И это было еще одной яркой иллюстрацией того изумительного процесса, о котором писал А. Фадеев в заметках о работе над своим последним романом «Черная металлургия». Он писал о том, что в старое время требовались десятилетия, чтобы человек, пришедший из деревни, или выходец из городских ремесленников, мещан обрел черты индустриального рабочего, тем более социалистического сознания. В настоящее время этот процесс происходит необыкновенно быстро...

В 1939 году старший горновой Иван Матвиенко успешно закончил курсы мастеров социалистического труда и его назначили сменным мастером. В это время в его личной жизни произошло важное событие: судьба свела его с лаборанткой Валентиной. Как и Иван Тихонович, она окончила курсы при опытном заводе.

— В общем, все было так, как у всех случается, — коротко говорит об этом Матвиенко. А сейчас его старшая дочь, окончив Саратовское медицинское училище, работает медсестрой в профилактории комбината, где отдыхают металлурги.

Среди лучших металлургов, отличившихся доблестным трудом в годы Великой Отечественной войны, был и мастер Матвиенко. Не раз присваивалось ему звание гвардейца трудового фронта, а в 1949 году наградили медалью «За трудовую доблесть».

Он читает техническую литературу, штудировать «Металлургию меди», а книга «Шахтная плавка» профессора Смирнова становится настольной книгой старшего горнового. Но о технологии, введенной на медно-серном комбинате, много из книг не почерпнешь — она особая, не такая, как на всех медеплавильных заводах. Медногорцы говорят, что у них два фронта: на серу нажмешь — медь потеряешь, за медью погонишься — серу провалишь. Вот и приходится все время быть начеку, балансировать, каждый час следить не только за анализами меди, но и за содержанием, составом газа.

Постепенно накапливается опыт, совершенствуется про-

цесс. В 1961 году медногорские металлурги, выполняя задание по увеличению мощности комбината, закончили монтаж второй секции главного корпуса. Сложная работа по пуску новых печей была поручена И. Матвиенко.

К горнам новых печей пришли выпускники ремесленного училища. Глядя на веселых, уверенных юношей, Иван Тихонович и сам чувствовал себя моложе и веселее. Как здорово, как заметно продвинулась вперед наша страна! Это уже не те робкие деревенские пареньки с четырех-пятиклассным образованием, какими были первые металлурги 1938 года на курсах при опытном заводе. Эти прошли практику у печей, имели среднее образование и некоторые познания в теории металлургии. Правда, у них маловато опыта, сноровки, здесь они должны были постигнуть все тонкости огневого мастерства. Матвиенко отметил одного из них, Василия Дулю. Два года назад пришел Василий в цех, и вот сделался квалифицированным плавильщиком — старшим горновым.

— Получается из него металлург, — радовался Иван Тихонович, наблюдая за работой Дули.

Пуск новых печей — сложное дело: нужно не только выплавить из руды медь, но и подать в химический цех кондиционный газ, из которого химики получают серу. Взаимодействовать с химиками — вот задача горновых.

Мастер Матвиенко справился с делом хорошо: слаженно заработали новые печи.. И его назначают старшим мастером, или обер-мастером, как недавно называли эту должность.

На капиталистических предприятиях обер-мастер — бог и царь. Он волен распоряжаться судьбой рабочего, как ему угодно.

У нас обер-мастер — воспитатель и учитель, старший товарищ, руководитель коллектива. Большое у него хозяйство, много у него хлопот. Нужно все предусмотреть, всего запасти — печи ведь прожорливы, нужно за всем доглядеть.

Металлурги — дружный народ. Особенности самого производства приучают их к тесной спайке. Есть в цехе начальник, технолог, есть начальник плавильного отделения или передела, как принято его называть. Но главным связующим звеном смен является старший мастер. Он все время у печей, редко увидишь его в конторе за столом.

В хозяйстве Ивана Тихоновича двенадцать печей, за

каждой из них нужно ежечасно следить, ведь они могут начать «шалить», изменить заданный технологической картой ход.

Вошла в строй вторая секция — и сразу же становились заметными недоработки конструкторов, их погрешности, упущения. У Ивана Тихоновича беспокойная натура: он не терпит, когда работа в цехе идет не так, как нужно, как хочется. Печи могли бы давать еще больше, но тут появилось «узкое» место, оно тормозит, мешает. И Иван Тихонович думает, предлагает. За двадцать один год в цехе внедрено более 80 рационализаторских предложений Матвиенко.

Есть рационализаторы, которые, обдумывая какое-либо усовершенствование, держат его в тайне от товарищей, тщательно оберегают свое авторство. Иван Тихонович не принадлежит к их числу. Родившуюся мысль он не прячет, а делится ею с товарищами, выносит на обсуждение, советуется. Поэтому многие из его предложений внесены в содружестве с другими металлургами. Вот, например, износились в печи броневые плиты. И чтобы произвести их замену — рушат еще годную футеровку, потом, уложив новую плиту, снова футеруют. А это удлиняет сроки ремонта, приводит к простоям печи.

Вместе с начальником плавильного передела Романом Антоновичем Ляшевским Матвиенко разрабатывает и внедряет новый метод, позволяющий заменить плиты без выборки футеровки. В содружестве с товарищами он разработал также и такие серьезные усовершенствования, как замена верхних колоколов на ходу, без остановки печей, применение пневматических цилиндров для открывания и закрывания колоколов, применение воронок для спуска рудной мелочи.

Серьезны, значительны и его индивидуальные предложения. В БРИЗе комбината считают исключительно ценным его предложение по установке в печах чугунных защитных плит, которые сохраняют футеровку от разрушения в такой степени, что увеличивают кампанию печей (то есть время работы между ремонтами) с 8 до 25 месяцев.

Только в 1960 году на комбинате было внедрено шесть предложений И. Матвиенко с экономией в 38 тысяч рублей.

— Металлург должен быть хозяином техники, — вот девиз старшего мастера. И он всячески помогает товарищам. Много поддержки и советов получили от него футе-

ровщик Милешин, внесший несколько предложений, рабочие Русаков и Бердников, предложившие парообогрев загрузочных башмаков. За содействие рабочим-рационализаторам Иван Тихонович был несколько раз премирован.

Плавка брикетов... Как долго думали на комбинате над этой проблемой, как упорно ее решали. Дело в том, что мелкую руду, которой рудник дает немало, в условиях медно-серного производства можно плавить только в виде брикетов. Пробовали брикетчики получше, покрепче пресовать мелочь — нет, брикеты рассыпаются в печи, того гляди дадут «козла» — самую большую неприятность для металлургов. Мучили настывшие в печах, воронки, излишки кислорода, выжигающего серу. Приходилось останавливать печи, пробивать насыпи, засыпать воронки — все это отражалось на производительности труда. Во что бы то ни стало надо было научиться плавить брикеты.

Технолог цеха Виктор Николаевич Урубко и старший мастер Матвиенко не мало часов провели в думах об этой плавке. И когда казалось, что все способы уже испробованы, Иван Тихонович предложил применить добавки в брикеты специальной шихты. Вместе стали пробовать, искать. Установили рациональный уровень сыпи шихты в печах.

Прежняя, всегда применявшаяся технология медно-серного производства считалась металлургами классической. И вот поправка, внесенная в эту устоявшуюся технологию практиком Матвиенко и инженером Урубко, дала замечательные результаты. Прошло лет семь с тех пор, как был найден рациональный способ массового проплава брикетов, но до сих пор на комбинате работают по технологической схеме, найденной новаторами, людьми большой творческой мысли.

Много таких людей на медно-серном комбинате. Вот почему все новые высоты завоевывают люди предприятия, растет комбинат, зарождается коммунистический труд.

Иван Тихонович не жалеет сил для воспитания молодых металлургов. Десятки людей гордятся тем, что они являются учениками Матвиенко, и среди них мы видим старшего горнового Н. А. Морозова, старшего мастера по конверторам И. Д. Дремова, руководителя бригады коммунистического труда В. В. Михайлова. А один из воспитанников Ивана Матвиенко — Василий Дуля стал вожаком первой в Медногорске бригады коммунистического труда.

Года три тому назад небывалый по силе ливень нарушил работу электростанции. Стала электростанция, пре-

кратилась подача тока. Нужно было спасти печи. И вот в цех пришла старая гвардия, пенсионеры, товарищи Ивана Матвиенко по опытному заводу. В те тревожные дни опытные металлурги помогли предотвратить крупную аварию. Но самая большая работа была поручена Василию Дуле. Пользуясь советами Матвиенко, Василий искусно прожег кислородом застывшие шпурь. Нужна была большая точность — кислородом можно, по неосторожности, сжечь детали печей.

А сейчас Василий Дуля стал мастером, и Матвиенко от всего сердца рад успехам своего ученика. А ведь путь Василия — от выпускника ремесленного училища до организатора первой на комбинате бригады коммунистического труда — не назовешь прямым и легким. Были срывы, разочарование в избранной профессии. Было и так, что однажды Дуля бросил учебу в вечерней школе. С ним беседовали, доказывали — парень стоял на своем — мол, очень трудно, не под силу... И тогда со своим учеником поговорил Иван Тихонович.

— Значит, признался в слабости своей?

— В слабости? Да вы посмотрите на мои мускулы!

— Мускулы-то хороши. Но идет время, Вася, когда одной физической силы будет мало. Уже пришло. Так и будешь топтаться на месте? Ты же крепкий и волей парень...

Так Иван Тихонович говорил с Дулей не раз. И внушил Василию веру в свои силы, стал молодой горновой продолжать учебу, вырос духовно, появились у него большие общественные интересы.

— Вот видишь, Вася, — говорил Матвиенко как-то своему бывшему ученику. — Физической силы, может, у тебя и не прибавилось, но другой силенки — соображения стало побольше, и работаешь ты теперь не хуже, а лучше. А ведь некоторые, как и ты прежде, так и думают, что горновой обязательно должен быть силачом, во всю мощь своей могучей мускулатуры шуровать у печей. Ты Насыбула Галлиуловича Максюдова помнишь? Он на пенсии сейчас... Небольшого роста, малосильный, а к какой печи его ни поставь — сразу видно: замечательный горновой! За печью он следит непрерывно. Появилась в желобе небольшая корочка — он сейчас же ее легонечко подправит. А другой, может и сильный физически, сидит да покуривает, пока не запустит желоба. Тут уж долбить приходится по настоящему, и сила нужна немалая. Смена не кончи-

лась — а такой «силач» совсем устал, окончательно выдохся. Профессия паша умная, заслуживает того, чтобы ею гордились. Я, когда о нашей профессии думаю, слова поэта вспоминаю: «Поет наша медь в проводах гидростанций...»

Гордость своей профессией рождает у Ивана Тихоновича стремление помогать молодежи, воспитывать ее знающей, умной, сильной. Забота о том, чтобы молодые рабочие правильно тратили свой заработок, чтобы быт в молодежных общежитиях был трезвым и чистым, чтобы ребята учились, занимались спортом, — забота обо всем этом совсем не входит в обязанности старшего мастера. А Матвиенко взял себе за правило интересоваться не только работой, но и жизнью молодежи, выпускников ремесленных училищ. Иван Тихонович рассказывает:

— Придут в цех ремесленники — их нужно приучать не только к производству, но и к самостоятельной жизни. Заметишь, что парень пытается у кого-нибудь «перехватить», денег занять, и начинаешь вести с ним беседу, пытаешься. Получают много, а деньгами распорядиться не умеют. Тут ведь и «приятели» быстро находятся — любители выпить. Ну и наставляешь на путь истинный, учишь, как деньгами умно распорядиться... Часто после работы захожу в молодежный городок, знаю, кто в каком общежитии живет. Приходилось мне и физкультурным организатором быть, хотя сам я далеко не спортсмен. Придешь на стадион, а моих хлопцев мало собралось. И идешь в столовую, по общежитиям, в красный уголок, собираешь на тренировку. Узнаешь, кто учебу бросил, — тоже беседуешь, убеждаешь товарищей, более успевающих в учебе, помочь. А то услышишь, что кто-нибудь в общежитии отчудил или схулиганил, ну и опять идешь, выясняешь, учишь...

Матвиенко стремится помогать людям высоко держать честь своего родного предприятия.

— Поможешь человеку в быту, — говорит Иван Тихонович, — глядишь, и работа пошла лучше. А для этого, для общего дела, нельзя жалеть своих сил...

В 1960 году на комбинате возобновился выпуск черновой меди — до этого медь выплавлялась в виде полупродукта, штейна. В действие были введены печи сократительной плавки, создан новый передел, промежуточный между рудной плавкой, где старшим мастером Матвиенко, и конвертированием.

Сократительная плавка — редкий процесс, в техниче-

ской литературе он освещен слабо, подготовленных специалистов, хорошо знающих этот процесс, не было. И освоение его затянулось. Показатели цеха поползли вниз и резко отразились на выполнении плана по всему комбинату.

Разве мог примириться с этим патриот своего предприятия Иван Матвиенко?

И он переходит на этот трудный участок, оставляет хорошо налаженный, спокойно работающий передел рудной плавки. Хозяйство старшего мастера уменьшилось, но трудности и ответственность увеличились. И опять освоение, новые хлопоты, новые усовершенствования.

Опираясь на практику работы рудных печей, Матвиенко предложил изменить на сократительных печах высоту сыпи с полутора метров до полуметра. С ним не соглашались, ему доказывали, что он не прав. Но когда отрегулировали сыпь, как предлагал старший мастер, печи пошли хорошо.

Прошло пять месяцев, и проектная мощность нового передела была освоена. Здесь Иван Тихонович применил то, что было упущено проектом, — сифон для непрерывной разливки штейна и шлака. Это повысило производительность печей на 12 процентов.

Помогает Матвиенко и соседям, конверторщикам. Заметил «узкое» место медееразливочной машины — футеровку разливочной ложки. Выбивка и возобновление футеровки ложки вызывали большие простои, и старший мастер предложил заменить эту футеровку, заливать слоем шлака—отхода плавки. И вот достигнуто сокращение простоев. в год экономится 105 тонн дорогостоящего огнеупорного кирпича.

Сейчас медногорцы плавят гайскую руду. Она, конечно, богата медью, да опять... сера! Приборы не улавливают потерь серы в газах. Но наметанный глаз опытного металлурга замечает неладное: дым из трубы часто принимает желтоватый оттенок, появляются оплывы и натеки серы. И снова раздумья, поиски.

Его мысли всегда о том, как улучшить дело, он всегда стоит лицом к огню..

Матвиенко видел, как тяжело приходится чеканщикам. Они спускаются в нижнее загрузочное устройство, а там такой газ, что ничего не видно, от печи пышет жаром. Чеканщики забивают асбестом отверстия, из которых просачивается газ. Вылезут чеканщики, а на них смотреть

страшно: противогаз залеплен жидкой серой, дышат тяжело, все в поту. И старший мастер задумался над тем, как облегчить труд этих рабочих. Он разработал новый способ, усовершенствовал загрузочные устройства.

Среднего роста, плотный, он выглядит моложе своих лет. И часто улыбается. Говорит о чем-нибудь серьезном, спорит, доказывает — и вдруг покоряющая, добрая, немного застенчивая улыбка. Таков Иван Тихонович — деликатный, мягкий, хотя и поговаривают молодые загрузчики и горновые, что бывает старший мастер порой ворчливым.

Деликатный, мягкий... Но когда надо добиваться поставленной цели или сдержать данное слово, тогда появляются настойчивость, упорство, воля.

— Деликатный? Это не совсем точно, если говорить о нашем старшем мастере, — возражает секретарь партийной организации металлургического цеха Алексей Андреевич Куличкин. — Я бы отметил самое главное в нем — чуткое отношение к товарищам. Он никогда не пройдет мимо, если человеку плохо. И очень хорошо умеет работать с людьми, воспитывать.

Иван Тихонович не курит, не терпит пьяниц. Его сосед — у них смежные сады — хороший горновой. Дома иногда напивается, не ладит с сыновьями и с женой, буянит. Но эти скандалы прекращаются, когда в их доме появляется Матвиенко. Написал Иван Тихонович о поведении соседа статью в газету, но прежде чем отослать ее, пошел к горновому и прочитал ему. Сосед сначала долго сердился, а потом успокоился и вести себя стал лучше. А недавно опять попала «шлея под хвост». Однажды, когда он был уже выпивши и не добился руганью и угрозами денег на продолжение пьянки, горновой занял где-то денег и отправился за «подкреплением». Здесь его и встретил Иван Тихонович, привел в свой сад и целый час не отпускал от себя.

— Что же ты, в конце концов, делаешь? — увещевал соседа Матвиенко. — Хороший ты работник, а дома роняешь честь металлурга, свое рабочее достоинство.

Долго беседовал с соседом Иван Тихонович, и хотя были у того в кармане деньги, все же не пошел за водкой. Занялся он поливкой грядок.

Иван Тихонович — активный участник избирательных кампаний. Металлурги неоднократно поручали ему ответ-

ственную обязанность члена окружной избирательной комиссии. Работал беспартийный Матвиенко и агитатором на избирательном участке.

Немалая его заслуга как председателя цеховой производственной комиссии профсоюза в том, что все рабочие цеха соревнуются, а 17 бригад и один передел борются за право носить высокое звание коллективов коммунистического труда. Общественные поручения он всегда выполняет добросовестно. Есть у него поручение и от родительского комитета школы, в которой учится его дочь.

Как ни занят Иван Тихонович, но он помогает организовывать строительные бригады и сам участвует в строительстве спортзала и производственной мастерской.

Поручили ему организовать в цехе коллектив физкультурников. И он серьезно взялся за эту незнакомую работу. Проходит некоторое время — и вот уже в красном уголке красуются грамоты за первое место, завоеванное металлургами в спартакиаде, а футболисты цеха становятся одной из лучших команд комбината.

У старшего мастера мало остается времени для семьи, для отдыха в своем садике.

— У металлурга обязательно должен быть сад, — говорит Иван Тихонович. — После газку в цехе подышишь целебным воздухом, запахом цветов, яблонь, слив, проветилируешь легкие, и есть зарядка опять...

— Не очень-то ты дышишь. — говорит его жена Валентина Андреевна. И продолжает, обращаясь ко мне: — У соседей яблони куда лучше, потому что уход другой. А наш всегда приходит домой поздно... По субботам соседи в четыре часа уже дома, а наш этого не соблюдает.

Есть в саду Матвиенко любимая яблоня сорта Башкирская красавица. Как и все красавицы, эта яблоня капризна, не похожа на другие: проздыями висят на тонком стволе с какой-то беспорядочной кроной крупные плоды. Любуется ею старший мастер.

— Вот изучаю ее капризы — интересное дерево. Тут уж не как в металлургии, тут капризам приходится потакать, угождать, не то, что с печью, у которой капризы ломаем, заставляем подчиниться нам. А бывает ведь так и с характерами людей...

И Матвиенко задумался. О чем он думал? Может быть, о людях, которые за долгие годы его работы приходили в цех и становились металлургами — и по мастерству и по душе?

Взволнованный, полный мыслей возвращался Иван Тихонович с собрания, на котором металлурги обсуждали решения XXII съезда КПСС, принятую на съезде историческую программу строительства коммунизма.

Как много впереди радостной и захватывающей работы! Всегда требовательный к себе, Матвиенко подумал о том, какой высокой наградой отметила его Родина в тот исторический год, когда состоялся съезд партии. «Смотри, — думал он, — на какую высоту поднял тебя народ, какой наградой он тебя одарил! Полностью ли ты отдаешь Отчизне?»

...К проходной на практику к горнам строем шли ремесленники. Глядя на них, Иван Тихонович думал, как много отдаст еще он Родине труда, приложит сил, чтобы помочь этим счастливым юношам стать членами бригад коммунистического труда, вырастить их достойными работать в коммунизме!

Сейчас в цехе внедряется автоматика. Придет время, когда на весь цех останется несколько рабочих, которые с пульта будут управлять печами. С чувством глубокой благодарности вспомнят они о тех, кто, поднимаясь по ступенькам огневого мастерства, прокладывал им дорогу к светлым далям.

И среди этих людей они мысленно увидят скромного труженика Героя Социалистического Труда Ивана Тихоновича Матвиенко.